

Уральские сказы

Том 1

Павел Бажов

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

ТОМ 1

ФТМ

Москва, 2018

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
Б16

Бажов, П.

Б16 Уральские сказы. В 3 т. Т. 1 / П. Бажов. – М. :
Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 400 с.

ISBN 978-5-5196-1249-4 (т. 1)
ISBN 978-5-4467-0898-7

Настоящее издание сочинений П.П. Бажова печатается в трёх томах. Первый том состоит в основном из ранних сказов Бажова, написанных и опубликованных им в предвоенные годы и частично во время Великой Отечественной войны. Сюда относятся циклы полужантасических сказов: о Хозяйке Медной горы и чудесных мастерах; старательские — о Полозе, змеях — хранителях золота и о первых добытчиках; легенды о старом Урале. Второй том содержит сказы, опубликованные П. Бажовым в конце войны и в послевоенные годы. Написаны они в более строгой реалистической манере, и фантастических персонажей в них почти нет. Тематически повествование в этих сказах доходит до наших дней. В третий том входят очерковые и автобиографические произведения писателя, статьи, письма и архивные материалы.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. П. Бажов,
наследники, 2018

ISBN 978-5-5196-1249-4 (т. 1)
ISBN 978-5-4467-0898-7

Медной горы хозяйка

Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то¹.

День праздничный был, и жарко — страсть. Парун чистый. А оба в горе робыли, на Гумешках то есть. Малахит-

¹Сказ впервые опубликован вместе с двумя другими: «Про Великого Полоза» и «Дорогое имячко» — в сборнике «Дореволюционный фольклор на Урале», Свердловское областное издательство, 1936. Эта сказка наиболее близка к уральскому горнорабочему фольклору. Географически они связаны со старинным Сысертским горнозаводским округом, в состав которого, — указывал П. Бажов, — входили пять заводов: Сысертский или Сысерт-главный завод округа, Полевской (он же Полевая или Полева) — самый старый завод округа, Северский (Северна), Верхний (Верх-Сысертский), Ильинский (Нижне-Сысертский). Вблизи Полевского завода было и знаменитейшее медное месторождение крепостной поры Урала — рудник Гумешки, иначе Медная гора, или просто Гора. С этими Гумешками, которые в течение столетия были жуткой подземной каторгой не одного поколения рабочих, связана большая часть сказов Полевского района» (П. Бажов, Предисловие к сказам, печатавшимся в журнале «Октябрь», № 5—6, 1939, стр. 158). О Хозяйке Медной горы, о Великом Полозе, о таинственном руднике Гумешки П. Бажов слышал рассказы и в собственной семье и у заводских стариков. Это были опытные рабочие, всю свою жизнь отдавшие горной промышленности. К старости, когда они уже «изробились», их из шахт и от медеплавильных печей переводили на более легкую работу (в сторожа, лесообъездчики и др.). Они-то и являлись рассказчиками преданий о старых заводах, о жизни горняков. Образ Хозяйки Медной горы или Малахитницы в горно-рабочем фольклоре имеет различные варианты: Горная матка, Каменная девка, Золотая баба, девка Азовка, Горный дух, Горный старец, Горный хозяин — (см. П. Л. Ермаков, Воспоминания горнорабочего, Свердловгиз, 1947; Л. Потапов. Культ гор на Алтае, журнал «Советская этнография», № 2, 1946: «Песни и сказы шахтеров», фольклор горняков Шахтинского района, Ростовское областное книгоиздательство, 1940; Н. Дыренкова, Шорский фольклор, М.-Л. 1940 А. Мисюрев, Легенды и были, фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири; — Новосибирск, 1940) — Все эти фольклорные персонажи являются — хранителями богатств горных недр.

руды добывали, лазоревку тоже. Ну, когда и королек с витком попадали и там протча, что подойдет.

Один-то молодой парень был, неженатик, а уж в глазах зеленью отливать стало. Другой постарше. Этот и вовсе изробленный. В глазах зелено, и щеки будто зеленью подернулись. И кашлял завсе тот человек.

В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух легкий. Их, слышь-ко, и разморило. Дошли до Красногорского рудника. Там тогда железну руду добывали. Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. Только вдруг молодой, — ровно его кто под бок толкнул, — проснулся. Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спина к парню, а по косе видать — девка. Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светелют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого роста, из себя ладная и уж такое крутое колесо — на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Одним словом, артуть-девка. Слышать — лопочет что-то, а по-каковски — неизвестно, и с кем говорит — не видно. Только смешком все. Весело, видно, ей.

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло.

— Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка! Ее одежда-то. Как я сразу не приметил? Отвела глаза косой-то своей.

А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить.

«Вот, — думает парень, — беда! Как бы только ноги унести, пока не заметила». От стариков он, вишь, слышал, что Хозяйка эта — малахитница-то — любит над человеком мудровать². Только подумал так-то, она и оглянулась. Весело на парня глядит, зубы скалит и говорит шуткой:

— Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-то ведь деньги берут. Иди-ка поближе. Поговорим маленько. Парень испугался, конечно, а виду не оказывает. Крепитесь. Хоть она и тайна сила, а все ж таки девка. Ну, а он парень — ему, значит, и стыдно перед девкой обробеть.

— Некогда, — говорит, — мне разговаривать. Без того

²Образ Малахитницы — у П. Бажова значительно сложнее. Писатель воплотил в ней красоту природы, вдохновляющую человека на творческие искания. Образ Малахитницы из сказов П. Бажова широко вошел в советское искусство. Он воссоздан на сцене, в живописи и скульптуре. «Образы бажовских сказов — в росписях стен Дворца пионеров в г. Свердловске, Дома пионеров в г. Серове, в произведениях кустарной художественной промышленности, в игрушках для детей» (Вл. Бирюков, Певец Урала, газета «Красный курган», 1 февраля 1951 г.). Сказы Бажова воссозданы художниками-палешанами. «В большом белокаменном Дворце Пионеров г. Свердловска целые лабиринты комнат, и в каждой из них очень много интересного. Но в одну из комнат ребята входят с — радостным чувством ожидания чего-то особенного, чуть таинственного и прекрасного. Это — комната бажовских сказов. На высокой просторной стене разметала свои длинные косы девушка — Залотой Волос. Рядом зеленоглазая красавица в тяжелом малахитовом платье Медной горы Хозяйка. Танцует на стене озорная рыжая девчоночка — Огневушка-Поскакушка. Так разрисовали комнату мастера из Палеха» («Пионерская правда» 10 марта 1950 г.) Сказ «Медной горы Хозяйка» положил начало целой группе произведений, объединяемых образом Малахитницы. В эту группу, кроме указанного сказа, входят еще девять произведений, в том числе; «Приказчиковы подошвы» (1936), «Сочневы камешки» (1937), «Малахитовая шкатулка» (1938), «Каменный цветок» (1938), «Горный мастер» (1939), «Две ящерки» (1939), «Хрупкая веточка» (1940), «Травяная западенка» (1940), «Таяutkiно зеркальце» (1941).

проспали, а траву смотреть пошли.

Она посмеивается, а потом и говорит:

— Будет тебе наигрыш вести. Иди, говорю, дело есть.

Ну, парень видит — делать нечего. Пошел к ней, а она рукой маячит, обойди-де руду-то с другой стороны. Он обошел и видит-ящерок тут несчисленно. И все, слышь-ко, разные. Одни, например, зеленые, другие голубые, которые в синь выпадают, а то как глина либо песок с золотыми крапинками. Одни, как стекло либо слюда, блестят, а другие, как трава поблеклая, а которые опять узорами изукрашены. Девка смеется.

— Не расступи, — говорит, — мое войско, Степан Петрович. Ты вон какой большой да тяжелый, а они у меня маленькие. — А сама ладошками схлопала, ящерки и разбежались, дорогу дали.

Вот подошел парень поближе, остановился, а она опять в ладошки схлопала, да и говорит, и все смехом:

— Теперь тебе ступить некуда. Раздавишь мою слугу — беда будет. Он поглядел под ноги, а там и земли незнатко. Все ящерки-то сбились в одно место, — как пол узорчатый под ногами стал. Глядит Степан — батюшки, да ведь это руда медная! Всяких сортов и хорошо отшлифована. И слюдка тут же, и обманка, и блески всякие, кои на малахит походят.

— Ну, теперь признал меня, Степанушка? — спрашивает малахитница, а сама хохочет-заливается. Потом, мало погодя, и говорит:

— Ты не пужайся. Худого тебе не сделаю.

Парню забедно стало, что девка над ним насмехается да еще слова такие говорит. Сильно он осердился, закричал даже:

— Кого мне бояться, коли я в горе роблю!

— Вот и ладно, — отвечает малахитница. — Мне как

раз такого и надо, который никого не боится. Завтра, как в гору спускаться, будет тут ваш заводской приказчик, ты ему и скажи да, смотри, не забудь слов-то: «Хозяйка, мол, Медной горы заказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Ежели еще будешь эту мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда спущу, что никак ее не добыть».

Сказала это и прищурилась:

— Понял ли, Степанушко? В горе, говоришь, робишь, никого не боишься? Вот и скажи приказчику, как я велела, а теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори. Изробленный он человек, что его тревожить да в это дело впутывать. И так вон лазоревке сказала, чтоб она ему маленько пособила.

И опять похлопала в ладошки, и все ящерки разбежались. Сама тоже на ноги вскочила, прихватила рукой за камень, подскочила и тоже, как ящерка, побежала по камню-то. Вместо рук-ног — лапы у нее зеленые стали, хвост высунулся, по хребтине до половины черная полоска, а голова человечья. Забежала на вершину, оглянулась и говорит:

— Не забудь, Степанушко, как я говорила. Велела, мол, тебе, — душному козлу, — с Красногорки убираться. Сделаешь по-моему, замуж за тебя выйду!

Парень даже сплюнул вгорячах:

— Тьфу ты, погань какая! Чтоб я на ящерке женился.

А она видит, как он плюется, и хохочет.

— Ладно, — кричит, — потом поговорим. Может, и надумаешь?

И сейчас же за горку, только хвост зеленый мелькнул.

Парень остался один. На руднике тихо. Слышно только,

как за грудкой руды другой-то похрапывает. Разбудил его. Сходили на свои покосы, посмотрели траву, к вечеру домой воротились, а у Степана одно на уме: как ему быть? Сказать приказчику такие слова — дело не малое, а он еще, — и верно, — душной был — гниль какая-то в нутре у него, сказывают, была. Не сказать — тоже боязно. Она ведь Хозяйка. Какую хошь руду может в обманку перекинуть. Выполняя тогда уроки-то. А хуже того, стыдно перед девкой хвастуном себя оказать.

Думал-думал, насмелился:

— Была не была, сделаю, как она велела.

На другой день поутру, как у спускового барабана народ собрался, приказчик заводской подошел. Все, конечно, шапки сняли, молчат, а Степан подходит и говорит:

— Видел я вечор Хозяйку Медной горы, и заказывала она тебе сказать. Велит она тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Ежели ты ей эту железную шапку спортишь, так она всю медь на Гумешках туда спустит, что никому не добыть.

У приказчика даже усы затряслись.

— Ты что это? Пьяный, али ума решился? Какая хозяйка? Кому ты такие слова говоришь? Да я тебя в горе сгною!

— Воля твоя, — говорит Степан, — а только так мне ведомо.

— Выпороть его, — кричит приказчик, — да спустить в гору и в забое приковать! А чтобы не издох, давать ему собачьей овсянки и уроки спрашивать без поблажки. Чуть что — драть нещадно!

Ну, конечно, выпороли парня и в гору. Надзиратель рудничный, — тоже собака не последняя, — отвел ему забой — хуже некуда. И мокро тут, и руды доброй нет, давно бы бросить надо. Тут и приковали Степана на длинную